
Е.А. Мельникова

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
ГАЛИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ГЛАЗЫРИНОЙ

Посвящение этого тома ежегодника¹ – памяти Галины Васильевны Глазыриной – печально для всех, знавших ее, и особенно горестно для тех, кто работал с ней, а точнее – прожил рядом с ней всю свою взрослую жизнь. Галина Васильевна была исключительным, редким человеком – не только талантливым ученым, но душой Сектора древнейших государств на территории СССР, группы по изданию свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (в Институте истории АН СССР) и, наконец, Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» (в Институте всеобщей истории РАН): именно она во многом определяла атмосферу благожелательной требовательности и дружеской бескомпромиссности в научной работе, твердой принципиальности в жизненных перипетиях. И, что случается далеко не всегда, требовательной, бескомпромиссной и принципиальной она была прежде всего по отношению к самой себе и к своим научным трудам.

Окончив в 1975 году романо-германское отделение Филологического факультета МГУ как филолог-скандинавист – ее учителем была О.А. Смирницкая, – она в том же году поступила в аспирантуру Института истории СССР АН СССР, где ее руководителем стал В.Т. Пашуто. Тема, избранная для ее кандидатской диссертации, отличалась неочевидной на первый взгляд, но чрезвычайной сложностью: исследование «русских» известий в так называемых сагах о древних временах, прежде всего – в «Саге о Тидреке Бернском» (1979б; 1979в²). Казалось, что для ее диссертации уже

¹ Подготовка этого тома, который должен был быть посвящен проблеме взаимодействия язычества и христианства в его отражении в письменных текстах, была начата Г.В. Глазыриной.

² Здесь и далее в ссылках на работы Г.В. Глазыриной указывается только год издания; библиографические их описания см. в конце тома, в «Списке трудов Г.В. Глазыриной». При ссылках на монографии указаны их названия, а не год издания.

существует прочная основа – труд выдающегося отечественного историка литературы А.Н. Веселовского «Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Веронском)» (Веселовский 1906). Однако саги о древних временах в 1970-е годы (как и в предшествующие и в два последующих десятилетия) не привлекали внимания саговедов³, и их специфика, поэтика, особенности репрезентации в них прошлого оставались неисследованными, как и особенности их нескольких групп, выделенных в 1970 г. Куртом Широм (Schier 1970). Незнание на современном уровне саг о древних временах – а «Сага о Тидрике Бернском» принадлежит к этой группе в прямом смысле слова, т.к. она основана на сюжетах и мотивах общегерманского эпоса эпохи Великого переселения народов, – усугублялась отсутствием критических изданий этих саг, в том числе и той, о которой идет речь: ее издание – без комментариев – было осуществлено в начале XX в. Х. Бертельсеном (Pǫðriks saga af Bern 1905–1911). «Сага о Тидрике Бернском» является и одной из наиболее сложных по происхождению и составу: герой саги – остготский король Северной Италии Теодорик Великий (451/454–526), но многочисленные сказания о нем были существеннейшим образом переработаны в германской устной традиции и дополнены разновременными и разнохарактерными сюжетами. В результате написанная «по рассказам немецких купцов» и «древним немецким песням» в Норвегии в XIII в. сага представляет собой сложнейшую компиляцию, в которой широко представлены «русские» мотивы, герои, носящие русские имена (Илья [Муромец], Владимир), древнерусские топонимы (Полоцк и др.). Исследование саги потребовало обращения, с одной стороны, к фольклористике для понимания механизмов трансформации сюжетов в устной традиции, с другой – к саговедению для определения способов построения саги: и то, и другое было необходимым этапом, предвещающим изучение собственно «русских» мотивов. Сама диссертация, а также ряд статей, посвященных мотиву военного похода в саге (1989в), образу Ильи Муромца в германском эпосе (1978а) и др., открыли новые возможности исследования исторической информации в сагах о древних временах.

Эти возможности были в полной мере развиты Г.В. в дальнейшей работе, хотя ее исследовательские интересы сосредото-

³ Первое после более чем 30-летнего перерыва их частичное исследование появилось лишь в 1997 г., см.: Mitchell 1997.

чилились на другой группе саг о древних временах – так называемых викингских сагах: повествованиях о деяниях викингов на Западе и Востоке Европы в IX – начале XI в., восходящих к историческим преданиям, которые сохранились на протяжении нескольких столетий – они были записаны только в конце XIII – XIV в. – и вобравших в себя множество фольклорных мотивов и сюжетов (1996а. С. 7–30; 1999в. С. 462–468). Изучению и публикации этих саг была посвящена значительная часть последующего творчества Г.В. Особенно важным для разработки методики исследования саг о древних временах как исторических источников стало издание – в оригинале и впервые в переводе на русский язык – викингских «Саги о Хальвдане Эйстейнссоне» и «Саги о Стурлауге Трудолюбивом» (Исландские викингские саги): до этого на русский язык переводились лишь королевские и родовые саги. Пристальное изучение этих текстов позволило не только выявить их композиционную специфику, но и определить основные способы отражения в них действительности.

Практически во всех викингских сагах, в том числе в изданных Г.В., герои оказываются в восточноевропейском пространстве, становятся конунгами Гардарики или Альдейгьюборга (Ладоги) или сражаются с ними. Рассказы викингских саг поэтому нередко вводили в заблуждение историков и, особенно, археологов, полагавших, что подобные повествования являются достоверными сообщениями о соответствующих событиях. Многочисленные труды Г.В. убедительно показали: историческая информация викингских саг имеет совершенно иную природу, скорее сходную с фольклорной, нежели хроники или королевские саги. За редкими исключениями в викингских сагах не следует искать сведений о том или ином конкретном событии: способы репрезентации прошлого в памятниках этого жанра исключают фактографическое отражение в них исторической действительности. В их сюжетах воплощаются многократно повторявшиеся события, воспоминания о которых отличались в устойчивых мотивах и сюжетах, переходящих из саги в сагу (1979г). Среди таких наиболее распространенных мотивов – военный поход героя-скандинава в Гардарики (1989в); его служба «конунгу Гардарики» или борьба с ним; сам образ скандинава – «конунга Гардарики» (1996б; 1997а; 2001д); получение или завоевание «королевства» (Гардарики); сватовство/брак с дочерью «конунга Гардарики» и т.п. Эти мотивы отражали «типические ситуации», возникавшие во время многочисленных походов отрядов сканди-

навов на Северо-Запад Восточной Европы. При этом, как показала Г.В., Гардарики саг о викингах – не Русь, как в королевских сагах, а лишь ее северо-западная часть, Приладожье и Поволховье, о чем свидетельствует их топономастика (1984б; 1985а и др.).

В качестве мотива, но не образующего сюжет, могло выступать и некоторое устойчиво сохранявшееся представление о Восточной Европе, которое иногда не имело под собой реальной почвы. Так, например, Г.В. разрешила загадку, преследовавшую археологов: рассказы саг о сокровищах, обретенных викингами в Бьярмаланде, категорически противоречили полному отсутствию в древностях западных финнов и саамов предметов из драгоценных металлов и вообще каких-либо ценностей. Она показала, что сокровища Бьярмаланда – это саговый мотив, литературное клише, и искать эти сокровища в реальности бесполезно (1990а; 1993а; ср. также исследование об описании Полоцка в «Саге о Тидреке Бернском»: 1982; 1984а).

Изучение сюжетообразующих и других мотивов привело Г.В. к крайне важному общему выводу о том, что в процессе их формирования и функционирования сложилась своего рода «база данных» о Восточной Европе: набор мотивов и сюжетов, которые с легкостью могли присоединяться к различным героям и переноситься из саги в сагу. Примером такого перенесения сюжета стало повествование о гибели воинов Ингвара, которое, по всей вероятности, восходит к воспоминаниям о походе русов на Бердаа (2000а).

Таким образом, в результате исследований Г.В. викингские саги утратили «неисторический» характер и предстали как весьма специфический, но все же исторический источник.

Публикация другой викингской саги – «Саги об Ингваре Путешественнике» – стала событием не только отечественной, но и мировой скандинавистики. Дело в том, что после издания саги в начале XX в. (*Yngvars saga víðfjrla* 1912, без комментария) она практически не изучалась и почти полностью выпала из поля зрения саговедов. Исключение составляли ее перевод на английский язык (*Vikings in Russia* 1989, с предисловием переводчиков), и две статьи Д. Хофманна (1981, 1984). Поэтому переиздание текста, скрупулезное источниковедческое изучение, обширный комментарий, представленные в книге Г.В., привлекли внимание к этой интереснейшей саге, а предложенная Г.В. ее интерпретация заставила задуматься о способах и целях переработки в ней устной традиции.

Сага потребовала обращения Г.В. к новым комплексам вопросов. Первый и важнейший из них смыкался с предшествующим – зарождение и функционирование устной традиции и ее трансформация при сложении письменного текста (1999б; 2003б, 2010б). И здесь также Г.В. опередила развитие скандинавистики, ибо к проблемам устной традиции саговеды обратились в самом конце 1990-х годов⁴. «Сага об Ингваре» давала для исследования этой проблемы уникальный материал: дошедший до нас текст саги относится к XIII в., но впервые она была записана на латинском языке в конце XII в.; сведения же о самом походе Ингвара сохранились в современных походу памятниках – в надписях на более чем 20 рунических камнях по преимуществу из района оз. Меларен (в Средней Швеции). Сопоставление аутентичных известий с их преломлением в саге, вкупе с явным вниманием сагописателя к источникам своей информации, выявило некоторые тенденции свойственные саговой литературе в целом и прямо влияющие на достоверность повествуемого: например, стремление к генеалогизации (2001б; 2001в). Подтвердились и выводы, сделанные ранее, о широком использовании типовых мотивов и сюжетов в викингских сагах (см., например: 1996б) и о существовании «базы сюжетов», переходящих из одной саги в другую (2003б).

Исследование устной традиции, отраженной в сагах, вылилось в серию статей, посвященных широкому кругу проблем: маркерам обращения автора саги к ней (2009в; 2011б), способам и формам передачи устной традиции в Исландии (1999б; 2003а; 2005в), роли в обществе и функциям сказителя (2003а; 2005а).

«Сага об Ингваре», автор которой специально пытается установить время гибели отряда Ингвара, поставила также вопрос о характере темпоральности в сагах и о способах счисления времени в древнеисландском обществе в целом. Г.В. показала, что использование двойного счета в Исландии – от Рождества Христова и от значимых событий в истории самих Скандинавских стран, прежде всего Исландии, среди которых выделяется дата принятия на острове христианства, – было, наряду с прагматическим фактором, важным элементом самосознания и самоидентификации исландцев (2004б; 2008а; 2009г; 2010а).

⁴ Впервые внимание к ней было привлечено в небольшой по объему книге Хермана Пальссона (Hermann Pálsson 1997). Первое же обстоятельное исследование отражения устной традиции в сагах см.: Gísli Sigurðsson 2002, 2004.

Наконец, «Сага об Ингваре», наряду с «Сагой об Оуде Стреле», а также рассказами о христианах-путешественниках, положила начало второму важнейшему направлению творчества Г.В. – изучению проникновения и распространения христианства в Исландии. Еще в 1995 г. Г.В. предположила, что странствия Оуда длиной в три человеческие жизни интерпретированы автором саги, написанной, вероятно, в XIII или начале XIV в., как путь героя саги к христианству. Сходным образом были объяснены и цели автора «Саги об Ингваре». По мнению Г.В., в эпоху крестовых походов повествование о чисто воинских деяниях отряда Ингвара на Востоке было осмыслено как миссионерство: первичное внедрение сведений о христианстве – Ингваром и последующее крещение Силькисиф – его сыном Свейном (Сага об Ингваре Путешественнике 2002а; 1997в; 1999а; 2002в; 2003г; 2004г). Аргументами в пользу такой интерпретации саги служили не только ее сюжет, но и многократно подчеркиваемое негативное отношение Ингвара к язычникам, символика фольклорных мотивов, в том числе дракона, лежащего на золоте (2006б), и др. Таким образом, рассказы о походе Ингвара, возникшие при жизни его участников, претерпели, как убедительно показала Г.В., сложную трансформацию от повествования о воинских подвигах отважного предводителя викингского отряда до саги о воине-миссионере, проповеднике христианства на Востоке.

Интерес к раннему христианству в Исландии и его отражению в саговой литературе занял центральное место в творчестве Г.В. последнего десятилетия ее жизни. С одной стороны, ее внимание привлекли два произведения о христианах-путешественниках, которые исследовались крайне мало. Это «Сага об Эйреке Путешественнике» и «Прядь о Торвальде Кодранссоне» в составе «Саги о крещении» и «Большой саги об Олаве Трюгвасоне» по рукописи «Книга с Плоского острова» (2010г). Г.В. интересовала сама фигура Торвальда, его обращение в христианство и его миссионерская деятельность в Исландии в качестве помощника миссийного епископа Фредрика, а затем его пребывание в Византии и на Руси (2004а; 2004в; 2005б). «Сага об Эйреке» поставила перед Г.В. еще большее число вопросов: сага близка западноевропейскому жанру видений, но сохраняет специфику исландской саги и многочисленные собственно скандинавские реалии. Мало изученная, сага потребовала исследования истории ее создания (2012б). Специальному анализу подверглись воображаемое про-

странство саги (2006а; 2015в), характеризующие его топосы (2013в) и его топография (2013б); представления о Рае, дорога к которому лежит по Восточному пути (2006а; 2012в). Как и в «Саге об Ингваре Путешественнике» и в «Саге об Одде Стреле», путь на Восток (здесь – в Византию) вел к обращению язычников и их приобщению к христианству (1995б, 2010г). Скандинав в Византии – в этой группе саг – представал христианином-неофитом, стремящимся к познанию истинной веры, мудрости и обретению славы (2014в; 2015б).

С другой стороны, Г.В. углубилась в изучение самого процесса христианизации Исландии и взаимоотношений между язычниками и христианами, которые были совсем не просты. Прежде всего она подробно рассмотрела первые христианские миссии на острове и их результаты: хотя первые миссионеры-немцы – Тангбранд (2010в) и Фредрик – были с позором изгнаны, ростки, посеянные ими, дали первые всходы: некоторые из исландцев, причем принадлежавшие к знатым родам, оставили язычество (2004в). Этой теме посвящена и последняя, незаконченная статья Г.В., публикуемая в настоящем томе. Наконец, специальное внимание было обращено на специфику противостояния язычников и христиан на альтингге 1000 (999) г.: примерное равенство сил – при том, что христиан было явное меньшинство, однако многие из них принадлежали к знати и имели в своем распоряжении немалое число людей, способных сражаться с язычниками (2007; 2011в; 2014а).

«Христианская» тематика, занявшая большое место в творчестве Г.В., получила воплощение в переводе неизвестной отечественным скандинавистам «Саги об Эйреке Путешественнике» (ею были сделаны черновые переводы также «Пряди о Торвальде Кодранссоне» и «Саги об Одде Стреле») и освещении нескольких страниц христианизации и становления христианской церкви в Исландии (см. также: 2015а; 2016). Крайне важным для изучения русско-скандинавских отношений X–XI вв. стал ее вывод об устойчивости в Исландии представлений о связи проникновения христианства в Скандинавию с Византией (2010г).

Исследование связей Древней Руси со Скандинавией, однако, не ограничилось конфессиональной сферой. Уже в ходе работы над диссертацией возник вопрос о географических представлениях скандинавов о Восточной Европе, отраженных в сагах о древних временах, – как выяснилось, только о Северо-Запа-

де Восточной Европы, который и именуется в них Гардарики (1984а; 1985б). Топономастика Приладожья оказалась весьма обширной – до 10 наименований, не встречающихся в других сагах, – хотя некоторые из них не поддаются идентификации (1988а). Не исключено, что они, как например хороним-гапакс *Bjalkaland* «Страна белок», отражают географическую номенклатуру начальной эпохи проникновения скандинавов – охотников на пушного зверя – в Восточную Европу.

Интерес Г.В. к географической номенклатуре Восточной Европы отразился и в совместной с Т.Н. Джаксон публикации «Древнерусские города в древнескандинавской письменности» (1987а). Издание и анализ сообщений о древнерусских городах, прежде всего Ладоге, но также и многих других, существенно расширил знания отечественных историков о существовавших в Исландии представлениях о топографии Восточной Европы, а, соответственно, об интенсивности русско-скандинавских отношений эпохи викингов. К этой теме Г.В. не раз обращалась и в последующее время: она проанализировала список русских городов (княжеств) в «Саге об Одде Стреле» (1997б); поставила вопрос о принципах меморизации географических наименований (2002б); остановилась на паломничествах исландцев в Рим и Константинополь (2004д). Особое ее внимание привлекала загадочная Бьярмия, которой она сама и в соавторстве с Т.Н. Джаксон посвятила серию статей (2001а). Показательна для методов ее исследования та дотошность и скрупулезность, с которой Г.В. подходила к решению вопроса о локализации Бьярмии: ею были специально изучены морские течения и направления ветров в Белом море, сезонные приливы и отливы и т.п., чтобы с максимальной аргументированностью выстроить маршрут Оттара (др.-англ. Охтхере), в конце которого он столкнулся с бьярмами (1989а; 1993б).

Круг интересов Г.В. охватил ряд других аспектов русско-скандинавских связей X–XI вв. (1988а; 1991а). Пристальное внимание она уделила сообщению саг о дарении Ярославом Ингигерд Ладоги «и того ярлства», которое к ней относится и которым от имени Ингигерд правил ярл Рёгнвальд. В серии статей она обсуждала достоверность этого сообщения (1990в) в контексте скандинавских правовых практик с точки зрения как брачных обычаев (1994а), так и прав женщин на владение землей (1989б), и пришла к выводу о его сомнительности.

Г.В. сделала попытку установить личность «конунга фюлька с востока из Гардарики», женатого на дочери шведского конунга Эйрика Победоносного, о чем упоминает «Сага об Ингваре». Крайне осторожно она предположила, что этим конунгом мог быть Владимир Святославич, проведенный некоторое время в Свеаланде в 977 г. (1998а). Неоднократно Г.В. обращалась к отдельным разрозненным сообщениям саг о Русском Севере (1998в; 2001а) и обратила особое внимание на переработку информации о нем авторами саг (1991б). Она выявила в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом» любопытную параллель к известному по «Повести временных лет» рассказу Гюряты Роговича о заточенных в горé людях, которые прорубают в скале оконце, и предположила знакомство скандинавов с северным сказанием (1994б). В рамках изучения устной традиции Г.В. исследовала пути проникновения восточноевропейских сюжетов в Скандинавию (2008б), восприятие восточноевропейской сюжетики на севере (2009д), социальное значение воспринятых сюжетов (2008г) и – что имеет особенное значение – варианты родословия Ярослава Мудрого в сагах (2008в).

Принципиально важна для саговедения стоящая несколько особняком статья Г.В. о происхождении «Саги об Эймунде» – повествовании об участии скандинавов в братоубийственной расправе Владимировичей в 1015–1019 гг. (2001в). Многократно исследованная и вызывавшая острую дискуссию о том, кто был убийцей Бориса и Глеба, Святополк или Ярослав, эта сага никогда подробно не рассматривалась до Г.В. в сопоставлении с другим источником о деятельности Эймунда – Прологом к «Саге об Ингваре Путешественнике», хотя связь этих текстов и отмечалась. Сравнение двух «биографий» Эймунда подтвердило высказанное мимоходом предположение Р. Кука о том, что «Сага об Эймунде», точнее досаговое повествование о подвигах Эймунда на Руси, возникло и сложилось в Свеаланде (Средней Швеции) на основе рассказов участников событий (2001в). Этот вывод имеет по крайней мере два существенных следствия. С одной стороны, он заставляет вновь обратиться к вопросу о достоверности сообщений саги о борьбе между Ярославом и Святополком. С другой – он служит свидетельством того, что по меньшей мере в Свеаланде (а вероятно, и в других частях современной Швеции) существовали повествования о местных, шведских, викингх, прославившихся своими подвигами (к этому же кругу сказаний относится и «пред-

сага» об Ингваре), которые не сохранились в шведских записях, но достигли Исландии и были там трансформированы в форму саги. Можно лишь сожалеть, что это направление не было развито Г.В. далее, поскольку ее наблюдения содержали зерна большого и новаторского исследования.

Весьма существенный вклад в изучение русско-скандинавских связей был внесен Г.В. публикацией древнескандинавских источников. Наряду с изданием и обстоятельным исследованием трех викингских саг в рамках свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»: «Саги о Хальвдане Эйстейнссоне», «Саги о Стурлауге Трудолюбивом» (Исландские викингские саги) и «Саги об Ингваре Путешественнике», Г.В. на протяжении всей своей жизни участвовала в переводах малоизвестных и не переводившихся ранее исландских саг или их фрагментов, содержащих сведения о Восточной Европе. В 1987 г. она вместе с Т.Н. Джаксон подготовила подборку сообщений в сагах о древних временах о древнерусских городах (1987а. С. 129–184), широко используемую по сей день отечественными историками и археологами; в 1990 г. – комплекс сообщений о карелах [совместно с С.И. Кочуркиной, А.М. Спиридоновым и Т.Н. Джаксон (1990б. С. 123–132)]. Особенно велик ее вклад в издание хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников», для которой ею были переведены фрагменты не только саг о древних временах (включая героические саги), но также епископских саг и таких произведений, как «Книга об исландцах» Ари Торгильссона и «Книга о занятии земли» (2009. С. 184–216, 227–238, 239–306). Ею были подготовлены, но остались в черновом варианте переводы «Саги об Одде Стреле», «Саги о крещении», а также завершённый перевод с частично написанным комментарием «Саги об Эйреке Путешественнике» (последний передан дочерью Г.В., Е.А. Ерёминой, Т.Н. Джаксон и мне для подготовки к изданию).

Редкостная скромность Г.В. как в жизни, так и в науке не только помешала ей получить вполне и давно уже заслуженную степень доктора исторических наук, но и удерживала ее от завершения циклов ее работ напрашивавшимися широкими обобщениями, характеристиками открывающихся перспектив, далеко зовущими выводами. Некоторые из таких обобщений были сделаны только теперь, в данной статье. Так, проблема «базы восточноевропейских сюжетов» не раз была предметом наших с ней разговоров и обсуждений, была даже сделана попытка составить

аннотированный каталог таких мотивов и сюжетов, но... Эта и многие другие задачи остались незавершенными или нерешенными, и, наверное, лучшей памятью о нашей преждевременно ушедшей коллеге и друге будет продолжение начатого ею.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Веронском) // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 3. С. 1–190.
- Gisli Sigurðsson.* Túlkun Íslendingasagna í ljósi munnlegrar hefðar. Tilgáta um aðferð. Reykjavík, 2002.
- Gisli Sigurðsson.* The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition: A Discourse on Method / Transl. by N. Jones. Cambridge, MA, 2004 (Publications of The Milman Parry Collection of Oral Literature. 2).
- Hermann Pálsson.* Oral Tradition and Saga Writing. Wien, 1997.
- Mitchell S.A.* Heroic Sagas and Ballads. Ithaca; L., 1991.
- Schier K.* Sagaliteratur. Stuttgart, 1970.
- Vikings in Russia: Yngvar's Saga and Eymund's Saga / Transl. by Hermann Pálsson & P. Edwards. Edinburgh, 1989.
- Yngvars saga víðfjara / Udg. E. Olson. København, 1912.
- Þiðriks saga af Bern / Udg. H. Bertelsen. København, 1905–1911. B. 1–2 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, 34).